

В диссертационный совет № 5.6.03.05
Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

ОТЗЫВ

на диссертацию на соискание ученой степени К. Р. Капсалыковой
«Михаил Яковлевич Сюзюмов (1893–1982): биография и научное наследие». Специальность: 5.6.1 – Отечественная история

Диссертация К.Р. Капсалыковой, представленная на соискание ученой степени доктора исторических наук, не соответствует ни заявленной специальности «Отечественная история», ни квалификационным требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание докторской степени. Выбор данной специальности не представляется убедительным, учитывая тот факт, что исследования, посвященные профессиональной деятельности ученых, традиционно принято защищать по специальности «Историография», тем более, когда речь идет об истории, занимавшемся проблемами всеобщей истории.

Сомнительным представляется и выбор методологической основы диссертации. К.Р. Капсалыкова заявляет о своей приверженности *ленинской методологии*: «Ленинский принцип историзма является безопасной гаванью в современном историософском океане, который пересекают неокантианские течения» (с. 15). Соответствующий раздел диссертации пестрит именами Ленина, Мао Цзэдуна, Маркса, неомарксиста А. Бадью. Считая себя вырвавшейся из «топей идеалистической методологии» (с. 427), автор производит ряд спорных, сумбурных, а порой и ложных суждений. Ленинская методология применяется в ее вульгаризированном изводе, что, в частности, выражается в использовании автором типично советской оценочной лексики, декларативности и безаппеляционности утверждений, навешивания ярлыков (как на оппонентов и коллег Сюзюмова, так и на современных исследователей). Более чем сомнительно выставлять Д. де Солла Прайса (с. 17) бастионом исторической методологии и науковедения – а почему не Х. Уайта или П. Сорокина? А как же быть с Р. Коллингвудом и прочими метафизиками, которые интересовались не одними лишь *феноменами*, но и *ноуменами*? Под «классиками» (с. 429) в диссертации понимаются исключительно классики марксизма-ленинизма. Автор как будто заблудилась во времени и забыла, что на дворе уже не 1966 и даже не 1982 (год смерти Сюзюмова), а 2023 год! И то, что Маркс и Ленин не уникальны и не всесильны, а их теоретическое наследие не было статичным. Но автор диссертации сразу закрывает для немарксистов возможность проникнуть в сердцевину своего труда.

Исследовательский инструментарий представляет собой поистине «гримучую смесь» методов – наряду с традиционным историко-генетическим указаны экзотичный «макромелетический» метод и методики византийских хронистов (с. 18–19). Неясно, кто придумал выражение «макромелетический

метод» и в чем заключена его уникальность: в трехчастном делении биографии? Странно видеть в арсенале современного исследователя методику, используемую византийскими хронистами – соматопсихограмму, суть которой к тому же передана неверно – данный подход состоял не «в сопряжении внешних обстоятельств и внутренних переживаний героя» (с. 19), а во взаимосвязанном описании внешности и внутренних свойств героя. Ложное понимание метода приводит к ложным интерпретациям. Зато биографический метод и методологический инструментарий интеллектуальной истории, без которых не обойтись в исследованиях подобного рода, оказались абсолютно не востребованными.

В работе, более всего тяготеющей к историографическому жанру, показателем мастерства историка служит понимание историографии и ее основных смыслов. К.Р. Капсалыкова же здесь предлагает до предела эклектичное суждение: «историография – это не только совокупность собственно научных трудов, но и поле взаимодействия между различными историософскими традициями, течениями, школами. Эта интеракция со временем выливается в художественные произведения, публицистику, кинематограф» (с. 124). Именно в силу непонимания принципов и характера историографического исследования К.Р. Капсалыкова принимает за истинное положение вещей в советской науке те административно-идеологические формулировки о «единстве методологии» и т.д., которые применялись Е.М. Жуковым, З.В. Удальцовой и иными авторитетами исторической науки исключительно для защиты соответствующих научных отраслей от возникавших время от времени у отдельных представителей и групп партийно-государственной номенклатуры подозрений в благонадежности историков. Отсюда и ложное суждение диссертанта: «Византинистика в СССР никогда не распадалась на отдельные школы. Напротив, она состояла из центров, связанных общностью методологии и методики исследований» (с. 148). К.Р. Капсалыкова явно незнакома с азами такой сложнейшей дисциплины как историография, в том числе с отечественной дискуссией о ее предмете, направлениях и школах – имена А.Л. Шапиро, Л.В. Черепнина, С.О. Шмидта, А.Н. Мерцалова, О.А. Васьковского отсутствуют в списке литературы диссертации. Не известны ей и современные подходы в области науковедения.

Историографическому анализу подвергнуты только те публикации, которые непосредственно посвящены М.Я. Сюзюмову. Такой подход выявляет узость исследовательского взгляда диссертанта, от которого ускользает широкий историографический горизонт проблемы «ученый и его время». В диссертации проигнорированы многочисленные труды современных историков (М.В. Бухарина, В.С. Груздинской, Е.А. Долговой, С.Г. Карпюка, О.В. Метель, В.В. Тихонова и др.), исследующих развитие советской науки и ее институтов, функционирование ученой корпорации, формы научной коммуникации и пр. Да и заявление о том, что «в диссертации проанализирована вся доступная отечественная и зарубежная историография, посвященная М. Я. Сюзюмову» (с. 21), оказывается слишком самонадеянным, поскольку вне поля зрения диссертанта остается несколько десятков исследований по этой теме (А. Венгера, М.В. Землякова, С.Б. Криха, Т.В. Кущ, И.П. Медведева,

В.В. Сашанова, А.Г. Цыпкиной, ряд работ М.А. Поляковской и др.). Непонимание особенностей историографического и источниковедческого исследования проявляется и в том, что труды М.Я. Сюзюмова отнесены не к источникам, а к исследовательской литературе.

Возражение вызывает и то, как сформулирован предмет исследования (с. 11), поскольку научное мировоззрение М. Я. Сюзюмова не сводится к «теории диалектического континуитета» и включает в себя осмысление ученым широкого круга проблем истории, философии и культуры поздней Античности и Средневековья, в итоге оказавшихся вне поля зрения автора диссертации. В перечне задач, поставленных диссидентом, нет ни одной, которая была бы связана с характеристикой состояния советской науки с происходившими в ней институциональными и методологическими трансформациями, с анализом становления византиноведения в СССР и места в нем М.Я. Сюзюмова.

Автор претендует на раскрытие обусловленности научного наследия ученого особенностями его биографии в целом. В разделе о методологии (с. 19) мы читаем, что изучение научного наследия ученого встраивается им – диссидентом – в биографический контекст. Таким образом, речь идет о необходимости изучения всего спектра жизненных обстоятельств, необязательно имеющих прямое отношение к науке, но определенным образом повлиявшим на выбор Сюзюмовым проблематики его исследований. Однако на деле попытки объяснить научное наследие фактами собственно биографии предпринимаются лишь эпизодически и то выглядят порой довольно странно. К примеру, выбор студентом Сюзюмовым специализации обосновывается стремлением получить «право на безграничную творческую свободу» и «быстро добиться значительного научного успеха» (с. 445), перевод «Морского закона» объясняется проживанием будущего историка у Балтийского моря (с. 19, 327), истоки концепции континуитета выводятся из того, что Сюзюмов в Гражданскую войну был связистом и знал явление «непрерывной волны» (с. 409).

Если биографические факты из первого периода жизни Сюзюмова в интерпретации диссидентанта хоть как-то использованы для объяснения научного наследия византиниста, то в отношении следующих двух периодов автор диссертации даже не пытается установить какую-либо взаимосвязь между биографией ученого и выбором им научной проблематики. Как связаны, к примеру, обстоятельства жизненного пути Сюзюмова с определением темы его кандидатской диссертации? Нет ответа. Так какой же тогда смысл пересказывать в п. 6 Заключения хорошо известные и до того факты биографии ученого – череда мест работы, эпизоды личной жизни и пр.?

При чтении главы 4 складывается впечатление, что метафора войны, с обращения к которой эта глава и начинается, используется автором как некий научный метод. Вступление в виде отсылки к сюжету фильма едва ли уместно в диссидентии как способ актуализации научной проблемы. Сам же текст выдержан в милитаристском тоне – при характеристике ситуации в науке диссидент использует соответствующие выражения: «...на передовой науки», «главное сражение кампании», «потерпели поражение», «борьба не закончилась», «агония советской византинистики», «бросивший перчатку

ученый», «воинствующий германизм» и т.п. Научные направления в описании диссертанта разделены, словно настоящей линией фронта, на два непримиримых лагеря – «покровщину» и некую «классическую историческую науку». Что понимается под последней, диссидентом не раскрывается. Автор, по законам военного жанра, создает из «покровщины» образ врага, на которого навешиваются многочисленные огрехи как советской исторической науки, так и исторического образования, вплоть до сокращения сроков обучения в ВУЗах. Непонятно, что мешает использовать вместо идеологического ярлыка, пусть и не бесспорный, но более взвешенный термин «школа Покровского», и дать беспристрастный анализ таковой? Анализируя деятельность М. Я. Сюзюмова в этих «историографических войнах», диссидент сыпет многочисленными цитатами ученого, приводя зачастую абсолютно глухие ссылки на зашифрованные документы из архивных фондов. Понять происхождение и контекст этих цитат невозможно. Обилие обширных цитат из писем и выступлений приводит к тому, что герои повествования говорят едва ли не больше автора диссертации. В параграфе 4.2 «М.Я. Сюзюмов о советской исторической науке в 1956–1966 гг.» (с. 340–353) треть текста занимает описание эпизода с защитой в Ученом совете УрГУ диссертации по философии, участником которой был Сюзюмов. При этом на трех страницах просто воспроизводится выдержка из стенограммы с выступлением Сюзюмова о том, что он не считает работу философской. Заканчивается же этот раздел и вовсе не какими-либо конкретными выводами, а абстрактными комментариями автора диссертации о включении в учебный план ВУЗов дисциплины «Основы научного коммунизма». При подобном построении текст выглядит как россыпь фактов, тезисов, цитат и утверждений, практически не связанных между собой общей смысловой линией и не отягощенных авторским анализом.

В целом, основной принцип изложения материала в диссертации – линейное, последовательно-хронологическое рассмотрение жизни и творчества М.Я. Сюзюмова. Данный принцип абсолютно не новый и уже ранее был использован в работах Р.Г. Пихоей и М.А. Поляковской о своем учителе. В данном же случае подобный принцип позволяет К.Р. Капсалыковой нивелировать огромную сложность и многогранность эволюции ученого и, прежде всего, *понемножку* говорить о любом сегменте, любом явлении, любом аспекте этой многогранности без углубленного изучения каждого из них, но с возможностью заявлять, что то или иное явление, факт и т.д. диссидентом выявлено, затронуто, упомянуто. Как ярчайший пример недостатка такого подхода назовем крайне поверхностное рассмотрение сложнейшей и принципиально важной для понимания жизни и творчества ученого темы «Сюзюмов и марксизм». В диссертации нет даже попытки проанализировать компендиум работ Ленина, который сам Сюзюмов называл «личным цитатником». Диссидент почему-то не видит отдельной, *динамично развивающейся* линии творчества М.Я. Сюзюмова в его обращении к материалам пленумов ЦК и съездов партии, затрагивавших вопросы теории марксизма и истории человечества.

В методологии, используемой М.Я. Сюзюмовым, безусловно, одно из ведущих мест принадлежит идеи о диалектическом континуитете. Но ее

интерпретация К.Р. Капсалыковой (глава 5) не выдерживает критики. На фоне рассуждений о важности для творчества ученого этой идеи (рассуждений, отнюдь не оригинальных) заявление о том, что «созданная М.Я. Сюзюмовым оригинальная теория диалектического континуитета является универсальной» (с. 20), вызывает оторопь. Причем, присутствующее тут же утверждение о том, что основой для этой теории было марксистско-ленинское учение, дезавуирует эту «универсальность», ибо марксизм-ленинизм тогда в мировой византистике не был, мягко говоря, всеобщим. Недаром в качестве аргумента такой «универсальности» докторант ссылается на апелляции к идеи Сюзюмова лишь некоторых византистов ГДР. Однако если внимательно читать труды К.-П. Мачке и Х. Кэштейн (кстати, их работы в Списке литературы отсутствуют), то становится очевидно, что данная идея там присутствует в виде историографической констатации, а не «принятия». В работах византистов ФРГ, Италии, франкоязычных и англоязычных стран «принятия» этой теории и самого термина «диалектический континуитет» не было. То, что базой идеи диалектического континуитета являются работы Маркса и Ленина, М.Я. Сюзюмов повторял часто, но, как правило, он не уточнял, из каких работ Маркса и Ленина черпал высказанные им мысли. А ведь известно, что сам Маркс термин *dialektische Kontinuität* не применял. Придавая такое значение данному понятию докторант должен был бы разобраться, откуда, собственно, заимствован этот термин. Но об это в диссертации ничего не сказано. Кроме того, идея диалектического континуитета выглядит в диссертации застывшей. Но до появления в «Византийских очерках» статьи З.В. Удальцовой о типах генезиса феодализма континуитет у Сюзюмова – это одно, после появления в его библиотеке сборника со статьями Х. Аубина – несколько другое, а в последних статьях ученого континуитет в прежнем виде и вовсе не обнаруживается. К.Р. Капсалыкова знает статью Удальцовой, ей знакомо имя Аубина, она явно читала указанные последние статьи Сюзюмова, но эволюции сюзюмовской концепции континуитета не увидела. В подобном застывшем, изначально заданном состоянии в диссертации остались многие мысли Сюзюмова – о цирковых партиях, роли варваров в падении Римской империи, «Василиках», категориях париков, исихазме, «республике» в Фессалониках и т.д. Более того, эти сюжеты остались в диссертации не проанализированными.

Тезис о наличии особой Лейпцигской школы византистики (5.3), которая зависела якобы от идей Сюзюмова, не только не доказан путем текстологических сопоставлений, но, по сути, даже и не развернут. Сам по себе факт переписки Сюзюмова с лейпцигскими учеными еще не дает оснований для столь далеко идущего вывода, ибо люди переписываются друг с другом по разным поводам, и не всегда с целью основать научную школу. Поэтому обоснованность выдвинутого автором тезиса вызывает сомнения.

Текст диссертации зачастую состоит из не отрефлексированных сплошных цитат, что придает работе описательный и реферативный характер – это особенно бросается в глаза в ключевых для понимания идей ученого главах 4–5. Автор не смог подняться над массивом фактического и историографического материала и аналитически его осмыслить. К недостаткам диссертации относятся отсутствие выводов к отдельным параграфам работы (с. 353),

подмена выводов цитатами из художественной литературы (с. 366). Излюбленный авторский прием – апелляция к литературным произведениям или кинематографу – приводит к парадоксальным параллелям. В частности, правота М.Я. Сюзюмова, утверждавшего невозможность трансальтации (прыжка через социально-экономическую формацию), почему-то подтверждается ссылкой на некоторые события XX в. в описании военного репортера И. Эренбурга (с. 415–416), а утверждение, что «покровщина не была исключительно советским явлением, ее аналоги наблюдались и в других странах», иллюстрируется характеристикой современного состояния системы испанского образования писателем А. Пересом-Реверте (с. 28).

К.Р. Капсалыкова отказывает М.Я. Сюзюмову в существовании его научной школы, игнорирует анализ его научных связей с коллегами, не рассматривает принятие или непринятие его идей сообществом ученых, ограничиваясь общим утверждением, что М.Я. Сюзюмов был передовым специалистом по истории Византии в СССР. Не раскрыты и многие другие аспекты истории исторической науки, которые читатель ожидает увидеть в докторской диссертации, посвященной биографии одного из ведущих советских византинистов.

Недоумение вызывает намеренное искажение диссертантом некоторых из приводимых фактов. Так, К.Р. Капсалыкова, ссылаясь на два документа из эстонского и челябинского архивов, утверждает, что «зимой 1919 г., в период затишья между боями, в жизни Михаила Сюзюмова произошло судьбоносное событие – он женился на Антонине Афанасьевне Америковой, сестре милосердия военного госпиталя. Возвращение в Златоуст стало важной задачей для молодого красноармейца» (с. 217–218). Однако первый из документов, на который дается ссылка, не имеет отношения ни к самому М.Я. Сюзюмову, ни к его «супруге» – это телеграмма от 27.04.1921 г., отправленная некой гражданке Линде Ребане по вопросу предоставления ей гражданства Эстонии (ERA, F. 33, Nim. 1, S. 37, lk. 35 – документы оцифрованы (<https://www.ra.ee/dgs/explorer.php?tid=68&id=110700248602&tbn=1&lev=yes&list=2&hash=fed181eca6dde38ffda3c7aea9bef18>)). Второй документ – расписка о получении письма («Расписка. Срочный пакет из Отдела Народного Образования получила А. Сюзюмова. ... ноября 1922 г.» (ОГАЧО. Ф. Р-405, Оп. 1, Д. 6, Л. 6)). Сложно сказать, кто такая «А. Сюзюмова», но в документе не говорится ни об Антонине Афанасьевне Америковой, ни о сестре милосердия военного госпиталя, ни о заключении брака. Да и оба документа относятся к периоду после 1919 г. Поэтому была ли у М.Я. Сюзюмова «жена Антонина», неизвестно. Приведем еще один пример намеренного искажения фактов. Диссидент утверждает, «что в 1982–1987 гг. свердловских византиноведов опекала чл.-корр. АН СССР З.В. Удальцова... По этой причине к самостоятельной работе ученики М. Я. Сюзюмова приступили только в конце 1980-х гг.» (с. 128). Другими словами, нас пытаются убедить в несамостоятельности учеников Сюзюмова, которые «вышли в самостоятельное плавание» только после смерти З.В. Удальцовой. В действительности же в 1980-е гг. ученики вполне успешно вели собственные исследования, активно публиковались, трудились над докторскими диссертациями (А.И. Романчук,

В.А. Сметанин, В.П. Степаненко) или к тому времени уже успешно их защитили (в 1981 г. состоялись защиты М.А. Поляковской и В.В. Кучмы). И наконец, совсем уж странный факт: в тексте диссертации приведена ссылка на ОГАЧО, Ф. Р-316, Оп. 1, Д. 67, Л. 433 (с. 220), но в данном архиве такого фонда не существует.

К существенным недостаткам работы также стоит отнести слабое знание диссертанта того периода, которым занимался М.Я. Сюзюмов, о чём, в частности, свидетельствуют ошибочные утверждения о том, что Византия была страной классического феодализма (с. 106), Великое переселение народов явилось «роковой исторической случайностью» (с. 430), а Запад и Византия проходили одинаковый путь, но в разном темпе (с. 435). Многочисленные ошибки в написании слов на древних языках выдают незнание К.Р. Капсалыковой базовых основ греческого и латинского письма (с. 44, 57, 153, 204, 216, 392, 411, 418, 423, 434, 446, 449). В изобретенном автором конструкте «История Сюзюмова» (в тексте – *historia Sjusjumiana*) отсутствует фамильный суффикс. Так ли были необходимы вставки иноязычных слов, если автору неизвестны правила их написания, или это было сделано исключительно для внешнего эффекта?

Абсолютно неверно утверждение: «Биография М. Я. Сюзюмова представляет собой единичный пример успешной инкорпорации профессорского стипендиата Императорского Юрьевского университета в советскую научную элиту» (с. 20). Только историко-филологический факультет Юрьевского университета, кроме Сюзюмова, дал советской науке такие фигуры, как П.И. Лебедев-Полянский, А.А. Брок, Н.И. Букатевич, Н.П. Василенко и др., не говоря о выпускниках других факультетов. Говоря о педагогической деятельности, диссертант причисляет к ученикам Сюзюмова целый ряд византинистов (З.В. Удалцову, А.П. Каждана, Г.Г. Литаврина, Р.М. Бартиклияна, Я.Н. Щапова, К.В. Хвостову, К.А. Осипову, Р.А. Наследову) (с. 451). Но никто из перечисленных ученых таковыми себя не считал. Они прислушивались к его мнению, учитывали его замечания, спорили с ним, ссылались на его работы, но не более. А вот тех, кто действительно были учениками М.Я. Сюзюмова, кто защищал под его руководством дипломные работы и кандидатские диссертации, кто считал и считает Сюзюмова своим Учителем, автор диссертации не посчитала нужным перечислить... Это понятно, ведь К.Р. Капсалыкова настойчиво пытается убедить читателя в том, что никакую «Уральскую школу византиноведения» М.Я. Сюзюмов не создавал, а посему не было у него здесь учеников и преемников.

Отметим основные новации в диссертации: 1. Большое количество уточнений в биографии Сюзюмова, среди которых, правда, есть и откровенно ошибочные (вроде пересмотренной даты рождения ученого, появление еще одной жены, объяснения причины выбора специализации или происхождения названия АДСВ). 2. Описание фонда Сюзюмова в ГАСО. Глубину и корректность этого описания в соответствии с принципами современного архивного дела оставим специалистам. Но какие исторические, источниковедческие и историографические тренды, явления выявляет это описание? Диссертация об этом молчит. Достаточно ли отмеченных новаций

для того, чтобы диссиденту претендовать на соискание докторской степени? Очевидно, нет.

М.Я. Сюзюмов, действительно, категорически не признавал упрощенчества в исторической науке (с. 404). К сожалению, представленная к защите диссертация – пример подобного упрощенчества. В ней отсутствует анализ идей и положений М.Я. Сюзюмова, касавшихся широкого круга проблем истории Византии (многие даже не упомянуты), не прослежена эволюция его взглядов, вне поля зрения автора оказались тенденции развития советской и мировой византистики и роль М.Я. Сюзюмова в историографическом процессе. Перед нами всего лишь упрощенный портрет ученого, искусственно оторванного от созданной им школы, научной среды, частью которой он был, дискуссий, научных событий и институциональных процессов, происходивших в медиевистике и византиноведении. В целом, место М.Я. Сюзюмова в российской и мировой исторической науке второй половины XX в. так и осталось непроясненным.

Таким образом, диссертация «Михаил Яковлевич Сюзюмов (1893–1982): биография и научное наследие» не соответствует требованиям, предъявляемым к работам на соискание докторской степени, ее автор К.Р. Капсалыкова не заслуживает присуждения степени доктора исторических наук.

Отзыв подготовлен д.и.н. Кущ Татьяной Викторовной, д. филос. н. Макаровым Дмитрием Игоревичем. В обсуждении отзыва приняли участие к.и.н. Козлов Александр Сергеевич, к.и.н. Пашкин Николай Геннадьевич, к.и.н. Охлупина Ирина Сергеевна, к.и.н. Жигалова Наталья Эдуардовна, к.и.н. Зайцева Евгения Сергеевна. Отзыв утвержден на заседании кафедры истории Древнего мира и Средних веков Уральского федерального университета (протокол № 4 от 13 декабря 2023 г.).

Заведующая кафедрой истории
Древнего мира и Средних веков
Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
доктор исторических наук, доцент
Татьяна Викторовна Кущ
13.12.2023

г. Екатеринбург, ул. Тургенева, д. 4, каб. 468,
тел. (343)350 75 38

Подпись
Запечатлена вед. документ
